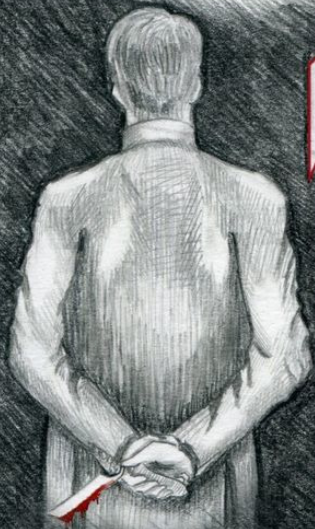

Евгений Сысоев

18+

ПРАЗДНИК СМЕРТИ

Сборник готических рассказов

Евгений Сысоев
Праздник смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56343205

ISBN 9785005105950

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Не судите о книге по одной истории. Не ищите смысл в этих рассказах. Все они написаны жизнью... и смертью. Они написаны, чтобы жить.

Содержание

Дневник мистера Банди	5
Тени старого дома	21
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Праздник смерти

Евгений Сысоев

Корректор Светлана Петровна Платонова

Иллюстратор Дарья Дмитриевна Мыльникова

© Евгений Сысоев, 2020

© Дарья Дмитриевна Мыльникова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-0595-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник мистера Банди

17 апреля. Сегодня я решил вести дневник. Мне нужно с кем-то делиться своими мыслями. Пускай это будут белоснежные листы моего блокнота, который уже более полугода пылится в моем письменном столе. Сегодня случился еще один приступ, очередной. Они стали повторяться все чаще. Последний был около двух недель назад. Я снова потерял память. Не знаю, сколько времени я был в забвении. По моим подсчетам, часов шесть. Последнее, что я помнил – сидел перед телевизором и смотрел хоккей. Все. Что было дальше – не знаю. Пришел в себя уже в ванной комнате, лежа в теплой воде. Рядом стояла начатая бутылка виски и пустой стакан. Я никогда не пил алкоголь, и в доме не держал. Не знаю, откуда он взялся, но, как минимум, стакан я точно выпил. Из моего рта пахло содержимым этой бутылки, но пьяным я не был. Голова не кружилась, не болела, движения были четкими и уверенными, не тошнило, и даже в желудке не было неприятной горечи. Ни одного из тех признаков, почему всю свою жизнь я не употребляю алкоголь. Когда я вышел из ванной, то немедленно обследовал дом, но, как и прежде, все было на своих местах, обувь осталась такой же чистой, одежда аккуратно сложенной. Думаю, что завтра навещу своего врача и расскажу о своей проблеме.

19 апреля. Сегодня ровно пятнадцать лет, как не стало мо-

его отца. Несчастный случай. Водитель грузовика не справился с управлением на скользкой от дождя дороге, и его машину занесло. В тот момент на автобусной остановке находился только мой отец. Ждал свой шестьдесят шестой маршрут, чтобы добраться до дома после тяжелого трудового дня. Мне тогда было двадцать, этот день я запомнил очень хорошо и буду вспоминать о нем до конца жизни. С утра я побывал на его могиле, принес свежих цветов и немного поболтал с его надгробным камнем. К сожалению, мне никто не ответил, как и в прежние четырнадцать лет. Вчера я, как и запланировал, посетил врача. Он взял все необходимые анализы и сделал томографию головного мозга. Все показатели были в норме. Он не смог мне дать объяснений по поводу моих провалов в памяти. Мне это жутко не нравилось. Если выберусь, то на следующей неделе непременно доеду до окружной клиники. Может быть там мне смогут дать хоть какие-то внятные ответы по поводу характера моего заболевания. Здоровый человек не обладает такими симптомами, поэтому я смело причислил себя в ряды заболевших. Не больных, пока заболевших...

23 апреля. Снова приступ. Сегодня я пришел в чувства около семи вечера. Потерял же себя примерно в одиннадцать утра. На руках моих были какие-то царапины, от кистей до локтя. И длинный шрам от лба до губ. Все они были неглубокие, но ужасно болезненные. Они чесались и зудели. Я их немедленно обработал и перевязал, к завтрашне-

му дню боль должна утихнуть. Никаких синяков или еще каких-нибудь увечий на моем теле не было. Одежда тоже была в идеальном состоянии. Два дня назад я все-таки добрался до клиники. В огромном двенадцатиэтажном здании, переполненном людьми в белых халатах, ответа относительно моего недуга мне тоже не дали. Все как один утверждали одно и то же: «У вас все показатели в норме». Я просто потерял напрасно свое время.

1 мая. Ужасно болит голова уже четвертый день. Никакие таблетки не помогают. Я не могу спать, не могу есть, не могу совершить ни одно движение, чтобы не отозвалось дикой пронзающей насквозь мою голову болью. Мне тяжело писать. Если смогу, то продолжу завтра.

3 мая. Вчера я пропал. Я снова потерялся в реальности. Самое ужасное, что я не спал все это время. Когда пришел в себя, возле своей кровати обнаружил три бутылки со спиртным странного происхождения, две из которых были пусты. Боль в голове, мучившая меня почти неделю, исчезла с моим утренним пробуждением. Я снова пошел в клинику. Сдал анализы, но даже намек на содержание алкоголя в крови найдено не было. Томография снова показала отличные результаты. Терапевт настаивал на том, что я абсолютно здоровый человек. Это привело меня в ярость. Я твердил, что не могу вспомнить целые часы из своей жизни, что во время этих провалов происходят вещи, которым объяснения найти не могу. Но на все это мне лишь посоветовали

обратиться к психиатру. Громко хлопнув дверью, я поклялся больше никогда в жизни не переступить порог этого отвратительного заведения.

7 мая. С последнего случая провалов больше не случилось. Я начал понемногу возвращаться к обычной жизни, даже написал еще одну картину. Пейзаж. Их я особенно люблю. На ней был огромный старый собор на холме, внизу которого открывался прекрасный вид на лес, поле с белоснежными цветами и реку. И только узенькая извилистая тропинка связывала его с остальным миром. Никогда раньше не писал соборов, но тогда в голове возникла именно такая картина, которую захотелось тут же запечатлеть. Возможно, удастся ее в скором времени удачно продать. Я знаю одного любителя живописи в таком стиле, может быть, он и заинтересуется ей. Посмотрим.

10 мая. Проклятье! Провалы снова начались. Не успел я обрадоваться, что попрощался с ними навсегда, как они снова мной овладели. В этот раз никаких бутылок я не обнаружил у себя дома. Только черное пятно в памяти. И опять эта жуткая головная боль. И голоса. Я начал слышать голоса. Их было много, все разговаривали разным тембром и интонацией. К сожалению или к счастью, но я не мог разобрать ни слова из того, что все они мне нашептывали. Мне это уже надоело. Я в отчаянии. Самое страшное, что никто мне не может помочь. Я боюсь, что все это сведет меня с ума.

12 мая. Голоса никак не уходят из моей головы. Даже сей-

час, когда пишу. Днем и ночью они меня преследуют, я постоянно слышу чьи-то шаги за спиной. Мне жутко и страшно. Кажется, что еще немного, и превращусь в какого-нибудь зверя, который вот-вот вырвется из клетки и вмиг окажется на свободе. Я не могу больше так жить. Мне кажется, что я очень близок, чтобы переступить порог дозволенного. Я близок к самоубийству. Эти мысли не оставляли меня прошедшим днем ни на минуту. Мне страшно.

13 мая. Симптомы все те же. Я почти не сплю. Сегодня я был у психиатра. Этот молодой идиот в огромных черных очках с толстыми линзами сказал, что у меня синдром Кандинского-Клерамбо, на что я ему ответил, чтобы он шел к черту со своими умными заученными словами из модных книжек. Он обиделся и прогнал меня из своего кабинета. И вот я остался снова один на один со своей больной головой. Я ничего не ел со вчерашнего утра. Моим завтраком сегодня была кружка молока и пара пряников. Мне даже больно смотреть на свет в окне. А суицидальные мысли становятся все навязчивее с каждой минутой. Правда, если и решусь на это, то непременно оставлю пару строк в своем дневнике.

14 мая. Сегодня утром в мою дверь громко постучали. Я долго не поднимался с кровати. Вначале мне казалось, что этот стук живет всего лишь в моей голове. Но со временем он становился все реальнее и четче. На пороге стоял тот самый коллекционер, о котором я упоминал здесь ранее. Он поздоровался, вежливо протянул мне свою руку и сказал, что

приехал по звонку, который я ему сделал, якобы у меня для него есть что-то интересное. Я долго напрягал остатки своей памяти, но так и не смог вспомнить момент, когда разговаривал с ним по телефону. Да и не важно. Он долго всматривался в мою последнюю картину и, наконец, сказал, что она великолепна и готов тут же ее купить. Мы быстро сошлись на цене, и он поспешил удалиться из моего дома. Этих денег мне хватит, чтобы платить по счетам еще месяца три.

15 мая. Боль не утихает. Не знаю, оставит она меня уже когда-нибудь или нет. Все препараты, которые только можно было приобрести в аптеке без рецепта врача, я купил и испробовал. Ничто не доставляло мне утешения и покоя. К обеду снова раздались звуки, похожие на вчерашние. Я открыл дверь и увидел коллекционера. Я испугался, что в моей картине он нашел какой-то изъян. Но нет. Он повторил свой визит, чтобы сделать заказ. Он просил меня написать еще одну картину, только захотел, чтобы собор был освещен светом полной луны. И расположение его должно быть не совсем привычное – он должен стоять в центре старого христианского кладбища. Мне эта идея показалась настолько дурной, что я старался отказаться. Коллекционер купил меня. Он предложил мне серьезную сумму, и я сдался. Этих денег мне хватит чтобы навсегда оставить этот город и купить приличный домик на берегу моря. Единственное, что меня немного напрягало, – это то, что был поставлен четкий срок – ровно один месяц. Это означает, что 15 июня я дол-

жен буду непременно предоставить ему готовую картину. Я переживаю за сроки. Мне сейчас много что мешает сосредоточиться на работе. Но черт с ним! Выбор сделан. Я попробую.

16 мая. Сегодня я весь день экспериментировал с будущей картиной, даже успел испортить три холста, но ничего хорошего из этого не вышло. Голова продолжала жутко болеть. Единственное – голоса, звучащие в ней, бесследно пропали. Ближе к вечеру я понял, что так дело не пойдет. Взял обычный альбомный лист и карандашом быстро сделал эскиз. Так оказалось гораздо проще. Все встало на свои места. Теперь я четко представлял детальное расположение на холсте каждого элемента. Завтра начну работу заново.

18 мая. Я снова пропал на сутки. Поутру меня ждала уже обычная после таких моментов картина – пустые бутылки из-под алкоголя. Меня радовало только то, что боль в голове меня оставила. Обследовав свою мастерскую, я нашел несколько смятых холстов в своей корзине для мусора. На них были какие-то кляксы, размытые штрихи и линии. Ничего из жизни они мне не напомнили. Даже на минуту показалось, что это была вовсе и не моя работа. Но я заметил небольшую мазню от масла на рукаве своей рубашки и понял, что все-таки это моих рук дело. Понять бы еще, откуда постоянно берутся эти бутылки с алкоголем. Всегда один и тот же напиток. Я обследовал близлежащие магазины со спиртным, но ни в одном из них подобного не было. Я

прекратил поиски и продолжил работу дома. Мрачная луна удалась просто великолепно. Даже изобразил где-то вдалеке, за горизонтом, макушки деревьев и принялся к детальному написанию собора. Почти наполовину он уже был готов. Но я посчитал, что на сегодня этого будет достаточно. Мои глаза уже стали красными и начали обильно слезиться из-за длительного напряжения. Завершу его завтра.

19 мая. Сегодня я бездельничал весь день. Ничего не делал, просто не хотелось, не было настроения для работы. Валялся в кровати, смотрел телевизор, приготовил свежую утку и отправился на прогулку, когда на улице уже начало темнеть. Просто ходил по городу и вглядывался в лица прохожих. У всех разные эмоции. У большинства же – скучные и уставшие гримасы. Некоторые же, наоборот, стремились жить, и их глаза переполнены ярким живительным огнем. Недалеко от кладбища мне повстречался бездомный. Он попросил меня кусочек хлеба, на что я протянул ему руку с мелочью, что лежала в кармане. Он вежливо поблагодарил меня и сказал, что будет молить бога, чтобы тот даровал мне вечную жизнь. Мне стало немного неловко, что я его оставил в прежнем одиночестве. Не знаю, зачем, но я свернул в ворота кладбища и пошел по узкой тропинке, разглядывая фотографии на надгробных камнях. Я впервые в жизни заметил, что слишком много там было детских лиц. Мне было не по себе. Внутри появился какой-то странный холод, и дрожь побежала по всему телу. За спиной слышались

шаги. Я обернулся, но там никого не было. Мне это не понравилось. Я развернулся и заторопился покинуть это место. Шаги в такт со мной продолжали ускоряться. Настал момент, когда я побежал. Кто-то невидимый, не отставая, преследовал меня до самых ворот. Он упорно не хотел, чтобы я рыскал по его владениям в такой час. И я вернулся домой. Только когда я выпил горячего кофе, дрожь прекратилась. Завтра обязательно нужно будет продолжить работу над картиной.

20 мая. День прошел очень плодотворно. Я полностью завершил работу над собором и отчасти изобразил весь ужас ночного города мертвых. Да, наверное, вчерашняя вечерняя прогулка по городу была необходима мне именно для этого, чтобы внутри что-то щелкнуло, и я с необычайной реальностью смог передать всю «красоту» этого страшного места. Мне безумно нравилась моя работа, то, что вырисовывается на этом безжизненно мертвом холсте. Это, безусловно, будет моя лучшая работа в жизни. Продолжим завтра.

21 мая. Все получилось. Кладбище выглядело просто идеально. Может быть, даже лучше, чем оно было на самом деле. Ни одного лишнего штриха. Прекрасное сочетание света и тени. Просто волшебство. Прежде я никогда не думал, что смогу достичь такого высокого уровня в своем ремесле. Дело оставалось за малым – на переднем плане изобразить низкую кирпичную стену и посередине вход в виде арки. Я писал сегодня весь день, даже не отвлекался на прием пищи, существовал исключительно за счет кофе. Как не стран-

но, я забыл про свои недуги, которые мучили меня в последнее время, доставляя мучения и страхи. Они просто исчезли в одно мгновение. Когда? Я уже не вспомню, настолько нравилась мне нормальная жизнь, к которой я начал постепенно привыкать и заново приспособливаться. Думаю, что через пару дней закончу картину и займусь продажей этого дома. Я уже представлял себя в новом уютном месте, что когда я буду просыпаться по утрам, то вместо шума дороги из окна буду слышать шум морской волны, которая будет набирать силу и разбиваться о пологий берег. А почему бы не написать картину с домом моей мечты? Так и поступлю... как только закончу эту.

24 мая. Эти два дня чувствовал себя неважно. Перемены погоды дали о себе знать. Мое настроение изменилось. Не хотелось даже делать пометки в своем дневнике. Но тем не менее меня это не остановило. Кое-как я дописал картину. Теперь все было на своих местах. Каждая деталь была доведена до совершенства. Теперь я спокоен и завтра могу звонить коллекционеру, чтобы тот приезжал за выполненной работой. Хотя по срокам у меня было в запасе еще дней двадцать. Уверен, что он будет приятно удивлен. Быть может, что даже увеличит сумму гонорара за столь быстрый результат. Не буду себя пока тешить пустыми надеждами, посмотрим, что будет завтра.

25 мая. Я хотел связаться с клиентом, но мне ответила его домработница. Оказывается, что он уехал по срочным делам

и вернется не раньше, чем через неделю. Вот невезение! Все готово, а он даже и не подозревает об этом. Ну что ж? Остается только ждать. Я долго бродил по дому с целью найти себе занятие. Хотел было пойти погулять по улицам города, но дождь испортил мои планы. Не хотелось разгуливать насквозь промокшим. Оставалось только смотреть телевизор или почитать книгу. Предпочтение я отдал второму варианту, хотя ранее никогда не любил читать подолгу.

28 мая. Самый длительный мой провал. На двое суток я остался в беспомощности. На полу, рядом с кроватью, валялось четыре или пять бутылок. Пьяным себя я, как и прежде, не ощущал. Головная боль снова поселилась в голове, ее разрывало на тысячу мелких частей. Кое-как поднявшись, я пошел в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок. Но там обнаружил неприятную картину: в корзине для грязного белья валялась перепачканная глиной одежда, в которой я обычно отправляюсь гулять по городу. Джинсы почти по колено были в земле. На ботинках тоже присутствовал приличный слой чернозема. Где я был в эти дни? Что делал? Где нашел такую грязь, чтобы так испортить свою одежду? Ни на один из вопросов ответа у меня не было. А боль становилась все острее и острее. Я разделся, переступил одной ногой край ванны и, поскользнувшись, ударился головой о кафель. Когда пришел в себя, был уже вечер. На затылке и на полу остались следы запекшейся крови. Я просто потерял сознание от удара. Душ я все-таки принял. Про-

хладная вода немного меня взбудрила, даже показалось, что боль ослабла. Накинув чистый халат, пошел в мастерскую. Там рядом с моей работой валялась еще одна пустая бутылка. Меня это уже начинало жутко злить. Я поднял ее и швырнул куда-то в коридор. Она со звонким грохотом разлетелась вдребезги. Сил убираться у меня сегодня уже не осталось. Я повернулся и направился в другую комнату, но в дверях меня что-то задержало. Я бросил взгляд на холст и заметил, что там было что-то не так. Я подошел, но не мог ничего понять, пока не увидел, что на картине возникло дополнение. На одном из безымянных надгробных камней появились имя и фамилия с датой смерти. Я точно помнил, что все они были пусты. Это было не в моих правилах изобретать такие тонкости. Я просто раскрасил их серым монотонным цветом. Теперь же на одном из них появились надписи. «Элеонора Траст 27.05.2009». Зачем я сделал это? Что за имя? Почему именно эта дата? Голова болит все сильнее и сильнее. Я уже с трудом пишу эти строки. Отправляюсь в кровать и пытаюсь хоть немного поспать.

29 мая. Провал повторился. Я снова ничего не помню. Опять пустая бутылка и еще одно новое имя на моей картине. Рядом с подписанным камнем появилась свежая надпись: «Элиза Марф 29.05.2009». Сегодняшнее число. Я не мог понять, как возможно выпить целую бутылку виски и так аккуратно вывести на картине надпись. Меня это начало всерьез тревожить. Я не знал, где искать ответы на все это. А боль

в голове продолжала досаждать, не давая прогнать себя ни на минуту. У меня снова начали периодически возникать мысли о суициде. Я старался указать им выход из своей головы, но как только начинал всматриваться в эти имена, они снова селились по своим обычным местам. Я не знаю, что делать дальше.

5 июня. Провалы повторяются каждый день. Боль, разрывая на части, не дает мне писать. Одно и то же каждый день. Я прихожу в себя лишь только под вечер. Не знаю, как я держусь. Пью только кофе и ничего не ем. Мой холодильник уже давно пустой. А пакет с мусором доверху забит пустыми бутылками. Я уже неделю не выхожу из дома, не моюсь, не бреюсь. Силы постепенно покидают меня. Мне уже не хочется жить. Просто уже все это надоело. На моей картине появилось еще семь новых имен. С каждым днем они прибавляются. Это какое-то безумие, и я ничего не могу с этим поделать. Сегодня был тот день, когда коллекционер должен возвратиться из своей поездки. Я позвонил ему и договорился о встрече. Завтра он должен быть у меня. Завтра я избавлюсь от этой картины. У меня уже нет сомнений, что она проклята. Скоро все это прекратится.

6 июня. Коллекционер был у меня уже в десять утра. Я еще спал, но быстро пришел в себя от настойчивых стуков в мою дверь. Он очень обрадовался, когда я представил ему свою работу. Он вглядывался в нее минут пять, которые мне показались длинными часами, а затем сказал, что заберет

картину, когда она будет окончена. Меня это возмутило, и я ответил, что выполнил работу до конца. На что он жестко повторил, что картина еще не закончена и у меня есть еще девять дней, чтобы доделать начатое. Он вернется, как и было оговорено ранее, пятнадцатого июня. Вежливо попрощался и в спешке покинул наш город. Я никак не мог понять и долго искал, что в ней могло быть не так. Но найти ничего не удавалось.

13 июня. Провалы продолжаются каждый день. Все тот же сценарий. Пустая бутылка и новое имя на холсте. Из всех камней остался только один, на котором не было надписи. И остается ровно один день до сдачи картины. Теперь я точно знаю, что имел в виду коллекционер, когда говорил, что картина еще не окончена. Еще не на всех камнях были имена. Но скоро это закончится. Осталось всего лишь одно. Нужно пережить последний провал, и я смогу вернуться в нормальную жизнь, когда полностью избавлюсь от картины. Ответов на все это я больше не ищу, это бессмысленно. Почти месяц живу в этом аду, пропитанном страхом и невыносимой болью. Скоро все закончится.

15 июня. Я проспал до полудня. Встав, тут же направился в мастерскую, чтобы убедиться, что последнее имя появилось на последнем могильном камне. Я вошел и застыл. За холстом сидел коллекционер и что-то поправлял кистью на моей работе. Он сказал, что я забыл нарисовать тропинку, ведущую от ворот кладбища к собору. Я удивился и хотел

оправдаться, ответив, что думал, будто он имеет ввиду совсем другое, а именно – безымянные камни на могилах. Он подтвердил, что и это тоже. Когда я подошел к картине поближе, чтобы посмотреть чье имя было там, то замер от ужаса. Там было мое имя. «Макс Банди 15.06.2009». Я открыл рот от изумления, но страх сковал все мое тело, и я не смог произнести ни слова. А коллекционер злобно хохотал мне в лицо, а когда прекратил, то откуда-то достал тубус, открыл его и показал мне свои картины. На каждой из них был я. И я на них кого-то лишал жизни. Новая картина – новый сюжет, новое имя. Все они совпадали с именами на моем холсте. Но последняя из его работ была особенной. На ней были только мы с ним. Я стоял во весь рост, и из моего тела, словно отделяясь от меня, вылезал он – коллекционер. Он жил во мне. И когда память меня оставляла – это означало, что я давал жизнь ему. В моем теле жили два человека, а вернее сказать – два чудовища.

Он аккуратно все свернул и убрал обратно в тубус. Мою картину он взял в руку и неторопливо зашагал к двери. Напоследок он остановился, обернулся, достал из внутреннего кармана своего пиджака бутылку и какую-то таблетку, сказав, что я знаю, что с этим делать, и поставил на стол, рядом с дневником. Дверь захлопнулась, и я остался наедине с самим собой. Сейчас я сижу с налитым стаканом виски и этим маленьким круглым спасением. Спасением от этого проклятья, что я ощущал на себе больше месяца. Да, он был прав.

Я знаю, что с этим делать. Сейчас я налью полный стакан, возьму в рот таблетку и запью ее страстно обжигающим виски. И все это прекратится. Навсегда...

Тени старого дома

6 августа 1922 года. Ото сна меня пробудил почтальон, старик, еле стоявший на ногах. Он вручил мне загадочный конверт. На нем было мое имя. В графе отправителя значилась юридическая фирма «Коулз и сыновья». Поблагодарив старика, я принялся распечатывать письмо. Текст его был следующим:

Уважаемый мистер Хайль. Вот уже не один десяток лет я являюсь личным нотариусом вашего дорогого дядюшки, мистера Эдгара Хайля. Имею честь с прискорбным чувством сообщить Вам, что Ваш близкий родственник скончался 3 июня сего года. Родных, помимо Вас, за всю свою тяжелую жизнь у него не было. Поэтому все свое имущество, нажитое непосильным трудом, он завещал Вам. За всеми деталями данного завещания прошу явиться в мою нотариальную контору.

С уважением, А. Коулз.

Не могу сказать, что прочитанное меня сильно расстроило (я имею в виду кончину моего родственника) или, наоборот, свергло в истерическую радость. Мне было ровным счетом все равно. Но письмо меня заинтриговало. Я мало общался со своим дядюшкой при жизни и уже зрительно не помнил

его. До сих пор я пытался выжать из себя хоть какие-то воспоминания о его жизни. Но, увы. Ничего вспомнить не смог.

На следующий день я купил билет на паровоз и отправился на самый север страны. Дорога заняла около шестнадцати часов. К счастью, мне попался приятный собеседник, и путь промчался стремительно. В пункте назначения на перрон вышел только я. Никто не выходил, и никто не садился. Полуразрушенный вокзал, словно после ужасной бомбежки, всем своим видом отталкивал меня от этого места. Но дороги обратно уже не было. В течение часа я добрался до нужного места и открыл двери кабинета мистера Коулза.

Мне он показался чем-то сильно встревоженным. Пожилой мужчина, на вид около шестидесяти лет, небольшого роста, худой, слегка сутулый, с проседью. Он вежливо меня поприветствовал, словно мы были знакомы всю жизнь, и пригласил за свой стол.

Он познакомил меня со всеми юридическими тонкостями данного завещания, показал, где мне нужно поставить свою подпись, и вежливо заверил меня, что всю оставшуюся рутинную работу возьмет на себя. Впрочем, когда вопрос зашел о гонораре за его услуги, Коулз дал понять, что мой дядюшка при жизни много для него сделал, и чувство долга не позволяет взять с меня каких-либо денег. Я поблагодарил его и отправился в дом дяди, который тот завещал мне. Дом находился на другом конце города, на самой окраине, и дорога заняла у меня еще около сорока минут. Погода была

прекрасной, ни сильно жарко и ни холодно, так что прогулка по городу не стала для меня обременительной.

Старинный город, застроенный в каком-то особом стиле, сильно отличался от привычных для всех других городов. Его широкие улицы были разбросаны огромными треугольниками, между соседними домами было слишком много места. Крутые дороги со своими резкими поворотами заманивали, заставляя потеряться в их безвременности. Дом под номером одиннадцать на Южной улице находился в самой низкой точке этого города. Это был дом моего дяди. Двухэтажный каменный дом с двумя массивными колоннами посередине, поддерживающими мансарду второго этажа, имевший по семь окон в левую сторону от входа и по семь в правую, на крыше ровно посередине был увековечен кованым символом летучей мыши, что, безусловно, придавало ему некий готический стиль.

Я достал ключ из кармана, ранее переданный мне мистером Коулзом, вставил его в массивную железную дверь и вошел. Первое, что бросилось в глаза – это то, что там было все по высшему классу: дорогие фарфоровые и хрустальные вазы, расписные паласы и мебель из редких пород древесины. Все это не могло не ослеплять меня своим изяществом и великолепием. Второе, на что пал мой взгляд – это паутина. Здесь все было в ужасной липкой паутине. Складывалось ощущение, что лет двадцать здесь никто не жил, и пауки вели свою обыденную и счастливую жизнь, хотя ни од-

ного из них я не увидел. Пыли, впрочем, тоже я не заметил ни на одной детали дорогого интерьера. Это немного ставило меня в тупик.

Исследовав первый этаж, по скрипучей деревянной лестнице я поднялся на второй. Здесь находилась роскошная огромная спальня моего родственника и его кабинет. Наличие камина в кабинете меня смутило, потому что был уверен, что никакой трубы на крыше дома я не видел. Да и внутри он был идеально чистым: ни следов угля, ни запаха гари. По обе стороны от камина, на уровне человеческих глаз, красовались два огромных портрета. На одном из них, слева, был изображен мой дядя в старых рыцарских доспехах на лошади и с мечом в левой руке. На правом портрете тоже был он, правда в современном стиле. На нем был дорогой классический костюм, он сидел за столом, и перед ним лежала какая-то необычайно большая толстая книга, скрывавшая свое название за широкой ладонью моего дяди. Меня все это отчасти забавляло. Но спать хотелось больше, нежели вдаваться сейчас в какие-то объяснения. Дорога меня утомила, я вернулся в спальню и удобно разместился на его «императорской» постели.

До самого утра мне снились какие-то ужасные женщины, похожие на лесных ведьм, старые замки, кишасшие громадными летучими мышами и тварями с огромной пастью и зубами, дожирающими плоть зверей, явно неземного происхождения. Проснувшись, я отправился на прогулку по до-

роге вниз от дома. Заметив тропинку, ведущую через негустые посадки деревьев, я свернул на нее и через несколько минут обнаружил небольшую реку, скрывающуюся за этими деревьями. Она была неширокой, в длину около четырех метров, но сильно глубокая. Вода поразила своей прозрачностью. И дно с крупной галькой уже скрывалось в метре от берега. На противоположной стороне весь рельеф был усыпан холмами и непроходимым лесом. Я прошел вдоль реки немного в одну, а затем в другую сторону и вернулся к дому.

Эта жуткая паутина меня настораживала, и мне захотелось от нее скорее избавиться. Найдя подручные средства, в течение дня я очистил от нее весь дом. Единственным местом, где ее не было, оставался кабинет. Я подумал, что сейчас самое время его исследовать. Загадка прижизненных дел моего родственника не давала мне покоя ни на минуту. Меня интересовало, а сейчас с удвоенной силой, чем же он занимался всю свою скучную, одинокую жизнь.

Проведя тщательные многочасовые исследования в его кабинете, я обнаружил несколько хорошо спрятанных документов. По ним я понял, что мой дед был владельцем земельного участка в черте города, впоследствии ставшим городским кладбищем. Подняв историю этого города, я заметил, что до 1886 года город действительно не имел собственного погоста. И трупы возили в соседний город на захоронение через двадцать пять миль отсюда. Впрочем, не всех. Некото-

рых просто сваливали в реку, которую я смог обнаружить совсем недавно. А чтобы их не уносило течением из этих мест, одежды их набивали огромными тяжелыми гвоздями. К счастью, в этом городе их было полно, сказалось наличие собственного производства. В итоге дядюшка обнес свой участок забором, сделал красивые кованые ворота и продавал места для покойников. Подняв бухгалтерию дяди, я прочел, что цены были вполне лояльные. Так что почти каждый горожанин мог похоронить своего родственника по-человечески, со всеми почестями. Кто не желал платить, те продолжали прежнюю многолетнюю практику, топя тела в реке. К ним же присоединялись тюрьмы, больницы, дома для одиноких стариков. Никто не хотел за незнакомого или одинокого человека платить деньги. Хотя эта практика постепенно исчезла и к концу 1906 года полностью прекратилась.

Самыми прибыльными годами, как мне удалось выяснить после анализа стали 1886, 1892, 1898, 1904, 1910, 1916, 1922 года. Странный промежуток между ними ровно в шесть лет. Самый ужасный оказался 1916. За этот год кладбище моего дяди пополнилось одной тысячей ста двадцатью двумя новыми покойниками. Мне до сих пор события того года остаются неясными. Знаю одно, что мой родственник сильно разжился на чужом несчастье. Каждый день хоронили по три человека. Примечательно, что в 86-м на территории кладбища он организовал свою похоронную контору и нанял рабочих для копки могил. Получается, что он брал деньги за за-

хоронения трупов – это раз, и тут же сам организовывал похороны от начала до конца – это два. Где же тогда его деньги? Пока мне не попало ни одного финансового документа, свидетельствовавшего о наличии у него каких-либо сумм или счетов в банках.

Поутру я отправился на кладбище, чтобы продолжить искать ответы на загадки о жизни моего дядюшки. Дорога заняла около часа. Огромные ворота, выполненные из стальных прутьев большого диаметра и такого же вида калитка слева, разве что размерами поменьше. Кладбища вызывали у меня какие-то неподдельные чувства ужаса, и я их категорически избегал на протяжении всей своей жизни. Но здесь было другое. Этот шаг был необходим. Не раздумывая, я оказался по другую сторону ворот, неторопливо шагнув в направлении загадочного и скрытого. Справа от ворот было кирпичное здание – похоронный дом с незамысловатым названием «Дом покоя». Я подошел к двери и попробовал дернуть за ручку. Дверь была не заперта, что мне не очень понравилось. Возле дальней стены я увидел огромный стол – точь-в-точь как в кабинете дяди. На нем громоздилась куча каких-то бумаг. А вдоль стен стояли каменные памятники с уже высеченными именами. Кто доделает его работу? В стене, что была с левой стороны, находилась дверь. Она не могла меня не заинтересовать. Я направился к ней и толкнул. Она не поддавалась. В ящиках стола я хотел найти ключ, но его нигде не было. Попытка выломить дверь

не увенчалась успехом. Слишком добротнo все было сделано. Огорченный, принялся копать в бумагах дяди, но ничего, кроме накладных на захоронения и могильные камни, не обнаружил. Я вышел и решил немного побродить по кладбищу. Стоит отметить, что оно за эти года стало довольно обширным и захоронений на нем было предостаточно. Состоятельность родственников умерших можно было проследить по могильным камням. Качество, размер, разнообразность камня. Все могилы были ухоженными. Мне не попалоcь ни одной, что могла пострадать от рук вандалов.

Я долго разгуливал меж могильных рядов, наконец, они закончились, как мне казалось. В зарослях травы что-то мелькало, отражая летние лучи солнца. Я решил посмотреть и пошел туда. Что я увидел там, немного меня встревожило. Трава в конце концов резко закончилась, а за ней было еще одно захоронение. Я подошел поближе. Свежие могильные холмы были аккуратно уложены правильными геометрическими линиями. Вместо памятников стояли деревянные таблички на ножках небольшого размера. На них ярко белой краской прописаны какие-то цифры: 1885, 1886, 1880, 1862, 1874, 1881. Их было несметное множество. Что это? Я точно помнил, что кладбище открылось в 1886. Откуда все эти цифры? Кто под ними? Если это года захоронений, как они здесь оказались? И почему земля свежая?

Не найдя ответов на свои вопросы, я развернулся и неторопливо зашагал обратно. Уже у самих ворот мне повстре-

чался мистер Коулз. Он сказал, что сегодня ровно десять лет, как его любимая жена покинула этот мир. Он идет, чтобы проведать свою любимую. Впрочем, вид у него был слегка взъерошенный. Да и сам он казался каким-то обеспокоенным. Я старался не придавать этому значения, ссылаясь на тяжелый по воспоминаниям прошлого для него день. Я вернулся в дом.

Эта запертая дверь в похоронном доме не давала успокоиться. Меня всю дорогу преследовали загадки – что же там могло скрываться? Я напрямик направился в кабинет, сел за стол и, уставившись в одну точку, куда-то вдаль, просто смотрел. Что-то меня подняло с места, и я подошел к камину. Я смотрел на портрет дяди, где он в деловом костюме сидел над книгой. Я смотрел прямо в его глаза, пытаюсь проникнуть в него, осознать все его секреты и тайны, сопровождающие его на протяжении жизни. Мне казалось, что картина висит немного неровно, и я решил поправить.

Неожиданно громоздкий портрет рухнул с ошеломляющим дребезгом на пол и рамка его разлетелась по разным углам, а под полотнищем лежал какой-то ключ. У меня сразу промелькнуло в голове, что это именно тот злополучный ключ от запертой двери в похоронном доме. Я побежал из дома на то самое кладбище. На полпути меня застал страшный ливень. За минуту я промок до нитки. Я бежал, не обращая внимания на недоумевавшие взгляды прохожих, которые под огромными зонтами торопились куда-то. Вско-

ре показались долгожданные ворота, через которые вошел в дом на кладбище. Я вставил ключ в замочную скважину и сделал движение рукой. Но щелчка не последовало. Я слегка надавил на дверь. Она была не заперта. Ясно, что внутри кто-то был. Но кто? Рукой нащупал на стене выключатель и зажег свет. Длинный светлый коридор своими тайными лабиринтами уводил куда-то вглубь. Мне казалось, что он вел глубоко под землю. Собрав всю волю в кулак, я последовал по нему, преодолевая душевные страхи и игру воображения.

Послышался крик. Протяжный, почти нечеловеческий крик. Трудно представить, что могло там происходить. Я замер на мгновение. Мне казалось, что за моей спиной кто-то прошмыгнул. Резко обернувшись, я никого там не обнаружил. А крики только усиливались. Они становились все чаще и пронзительнее. Я закрывал уши, боясь, что мои барабанные перепонки лопнут, не выдержав этого адского веселья. Крики прекратились также неожиданно, как и начались. Воцарилась полная тишина. Где-то вдали начали двигаться какие-то огромные тени. Я прижался к стене и замер. Меня заметили. Одна из теней уловила мой взгляд и направилась прямо на меня. Мои ноги отказывались меня слушать. Мне следовало бы развернуться и быстро побежать. Но не мог. Я стоял столбом, прижавшись к стене, обнимая ее своими влажными от страха ладонями.

Когда тень вышла из мрака, я увидел, что в этой тени есть нечто живое, похожее на человека. Тень приближалась. Со-

мнений в том, что это человек, у меня не осталось. Это был мистер Коулз в длинном белом халате. Вернее, от белого цвета у него незапятнанным остался лишь воротничок. Весь халат был в следах крови. Я заметил несколько еще не засохших пятен.

Я до сих пор находился в состоянии шока. Мистер Коулз взял меня под руки и повел в сторону выхода. Шли молча. Мне казалось, что возможность вести устную речь мною потеряна навсегда. Усадив меня за стол в приемной комнате, мистер Коулз обходительно поставил передо мной кружку горячего чая. Я сделал глоток, и сознание вновь начало возвращаться в мой возбужденный мозг. Речь вернулась. У старого и проворного старика были ответы на все мои вопросы. Он рассказал, что кладбище вместе с похоронным домом мой дядя после смерти завещал именно ему, так сказать, дело своей жизни. На что он представил мне соответствующие бумаги, подписанные уверенной рукой дяди. И теперь мистер Коулз являлся здесь полноправным владельцем. Свой перепачканный пятнами крови халат он объяснил тем, что некоторые родственники умерших просят, чтобы покойники хорошо выглядели в последний раз. И ему приходится заниматься грязной работой, извлекая внутренности умерших и бальзамируя тела. А крики... крики являлись лишь игрой звуковой акустики длинных извилистых коридоров, таящих в себе ужасные сквозняки. Мне нечего было ему возразить. Но почему-то я не верил. Где-то в его рассказе нить обрыва-

лась, но пока я не мог распознать где это место. Выслушав историю мистера Коулза до конца и допив свой чай, я направился в теперь уже принадлежавший на всех законных правах свой дом на Южной улице.

Прогулки под дождем не могли не сказаться на состоянии моего здоровья на следующий день. Я проснулся с головной болью и жутким насморком. Только после полудня у меня получилось преодолеть физические недуги и подняться с постели. Я снова оказался в кабинете. Кое-как, преодолевая ужасную резь в висках, я поднял с пола остатки портрета. Рамку уже не восстановить, а вот сам холост удалось аккуратно сложить и убрать на полку рядом с книгами. Мне им надлежит заняться как только случится поправить здоровье.

Уверенность, что и второй портрет таит какую-то загадку, не исчезала. Имея горький опыт вчерашнего дня, его исследование я начал более изысканно и бережно. Но, к сожалению, ничего инородного в нем обнаружить не удалось. Я снял портрет со стены, рассмотрел его. Потом оглядел стену, что он скрывал, простучал каждый сантиметр. И, не найдя ничего утешительного, повесил его обратно. Все равно что-то в нем было не так. Я снова смотрел пристальным взглядом в глаза умершего родственника и мысленно просил его, чтобы тот послал подсказку мне. Мой взор остановился на мече, что был высоко поднят в левой руке у дяди. Он указывал на торчащий из стены крюк. Прежде он не мог привлечь моего внимания, потому что вполне походил на те крюки,

что были прежде, до появления электричества в доме. Как правило, они использовались как держатель для небольших лампадок или свечей, зажигались на ночь, если хозяин боялся наступившей темноты, дабы не потерять свою бедную душу в надвигающемся мраке. Подобные крюки были по всему дому, в каждой комнате.

Я потянул его вниз – ничего не произошло. Пробовал перемещать вверх, затем в разные стороны. Все оставалось на прежнем месте. Это было бесполезным занятием. Когда я потянул его на себя, мой слух начал раздражать какой-то скрежет, доносившийся из камина. Я заглянул туда. Задняя стенка в нем исчезла, а вместо нее образовалась пустота. Найдя горелку, и, осветив это место, я обнаружил лестницу. Она вела по своим крутым ступенькам вниз. Черная пустота окружила меня. Я шел по кругу, спускаясь все ниже и ниже, скидывая в неизвестность скелеты летучих мышей и огромных крыс. Все было усеяно высохшими животными экскрементами. Я аккуратно их переступал, стараясь сохранить хоть отчасти свой внешний вид, освещая впереди себя путь едким огнем керосиновой лампы. Ступеньки привели меня в какую-то пещеру. Впереди виднелась дверь. Я потянул огромную круглую ручку на себя, и она открылась.

Осветив неизведанное, я вошел. На стене висели на толстых ржавых цепях массивные лампадки. Поднес огонь и они загорелись. Комната представляла собой естественную каменную площадь, словно вырубленную в какой-то скале.

Но не это меня пугало. Страшно было от того, что там находилось. Посередине, на небольшом выступе, лежал огромный каменный гроб, закрытый толстой каменной плитой. Я попытался приподнять крышку, но не смог. Она была слишком тяжелой. Осветив крышку, я обнаружил вырубленный на ней какой-то странный символ. Он представлял собой форму креста и на конце полумесяц, обращенный кверху, чем-то напоминавший козлиные рога. У гроба стоял каменный стол. Не знаю, что это за камень, потому как ранее нигде такого не встречал. Изумрудный цвет его под светом огня переливался ярким перламутром. По бокам стола на высоких подставках стояли огромные черные свечи. Я не рискнул их зажечь, они навевали какое-то опасение. Но самое интересное, что я увидел – это то, что на столе лежала толстая книга. Пыли на ней не было вовсе, в отличие от остальных предметов, находившихся здесь. Я осветил ее. Она была довольно большого размера для обычной книги, почти в два раза, и очень походила на ту, что изображена на портрете в кабинете у дяди. На старинной кожаной обложке теснением отпечатаны два пересекающихся треугольника, развернутых в противоположные друг от друга стороны, помещенные в ровный круг. А ниже надпись MUAMMAL. В самом низу написано *Silentium est aurum*. Книга внушала страх одним своим видом. А от представления, что может быть в ней написано, просто сковывало дыхание, в глазах темнело, в голове возникал необычайный шум. Он резал меня острее вся-

кого ножа. Мои ноги подкосились, и я оперся на каменный гроб, пытаясь взять себя в руки. На мгновение мне показалось, что в гробу возникла какая-то слабая вибрация. Но я гнал эти мысли от себя, ссылаясь на секундное помутнение рассудка. Мое боковое зрение что-то приковало к себе. Я взял горелку и осветил получше это место. В углу что-то находилось еще. Оно было размером с мой рост, а в толщину около двадцати сантиметров. На тот предмет была накину-та плотная черная ткань. Что там спрятано? Одним движе-нием руки я резко скинул плотный материал. На двух мас-сивных опорах из дерева стояло закрепленное между ними черное зеркало. Оно было выполнено из черного обсидиана (я видел обсидиан раньше уже в своей жизни, поэтому точно уверен, что это он). По бокам оно идеально ровное, а верх и низ его выполнены в форме правильных треугольников. Все грани отшлифованы и отполированы. И непонятно, как все это могло здесь оказаться и для чего это все нужно. Меня это безумно интересовало и пугало одновременно. Чем более я изучал и продвигался дальше в своих исследовани-ях относительно прошлого, тем сильнее меня отталкивало назад, оставляя бесконечный хвост из множества вопросов и загадок.

Пламя лампадок с каждой минутой становилось все мень-ше и меньше. Мне следует вернуться обратно, чтобы взять масла и долить его в них, пока здесь снова все не поглотила темнота. Я подумал, что стоит взять книгу с собой. Я по-

пытался ее сдвинуть с места, но не смог. Она словно была вырублена из этого каменного стола и составляла с ним одно целое. Я не стал больше пытаться. Становилось все темнее, и я поспешил покинуть это место. Мое непристойное чувство страха также не позволило мне открыть ее и ознакомиться с содержанием. В следующий раз, когда смогу немного подготовиться к этому. Я выбрался из всего этого мрака и не поверил своим глазам. Весь кабинет был покрыт сплошной паутиной. Все в паутине, каждая вещь, находившаяся здесь. Даже потолок. Борьба с этим у меня отняла много времени и массу сил. Когда все было закончено, я просто лег на кровать и через мгновение уже спал.

Во сне я видел, как лежу на кровати, закрыв глаза. Но могу перемещаться в пространстве. Словно сознание мое отделилось от тела и существовало независимого от него. Мое тело сплошным толстым слоем покрывали огромные мерзкие пауки. Они всюду ползали по мне и проникали через уши, ноздри и рот в мое тело. Я пытался снова вернуться в тело, но мне это никак не удавалось.

Когда я открыл глаза, была глубокая ночь. Это был всего лишь ужасный кошмар. Взяв в подвале масло для лампадок, я залил горелку и снова спустился в эту таинственную пещеру. Проделав подготовительные работы по освещению данного места, я зажег огонь. Зеркало, стоявшее в углу, снова было накрыто тканью, хотя я точно помнил, как сдернул с него черную ткань. Свечи, находившиеся в стороне от сто-

ла, были почти наполовину сожжены. А у стола были куски свежей глины. Это была земля с кладбища, земля с большим содержанием песка. Таковую в городе я видел только там. Мистер Коулз, как мне тогда показалось, мог дать ответы на мои вопросы. Я немедленно отправился на кладбище.

В похоронном доме дверь, ведущая в тайные подземные ходы, вырвана вместе с петлями из стены. Я неуверенными шагами вошел внутрь. На стенах и полу длинные кровавые следы. По мере продвижения я все больше боялся картины, которая мне откроется, когда окажусь в самом конце.

Там была комната, перепачканная кровью. Вдоль стен стояли столы и полки с какими-то медицинскими инструментами, а посреди был стол, подобный тому, как в операционных комнатах. На нем лежало выпотрошенное напрочь тело. Все внутренности валялись на полу; кожа разодрана в мелкие лоскуты, а лицо не могло скрыть боли и ужаса предсмертного мига. Я не сразу узнал это лицо. Это был мистер Коулз.

Меня стошнило несколько раз подряд, становилось все хуже и хуже с каждой минутой пребывания в этом ужасном месте. Зашатавшись, я попятился назад, но наступил на что-то, поскользнулся и упал. Перед глазами лежало нечто похожее на печень. Кое-как поднявшись, быстро выбежал оттуда. Было необходимо заявить о случившемся. В течение двух часов кладбище было оцеплено людьми в синей форме. А через пару дней на моем пороге стоял полицейский и настойчиво барабанил в мою дверь. Детектив Хасло. Он рассказал,

что нашел в доме убитого Коулза его дневник, в котором записан каждый шаг жизни убиенного. Коулз начал его вести с момента знакомства с моим дядей. Детектив не стал раскрывать содержание дневника, но настойчиво интересовался жизнью моего дяди. И еще эта книга. Муаммаль, что я обнаружил в этой пещере. Он спросил, слышал ли я что-либо о ней, или быть может, знаю о ее местонахождении. Я только пожал плечами. Когда появилась малейшая возможность завладеть дневником, я осуществил ее, подменив его на похожую тетрадь, лежащую на столе. Подмена осталась незамеченной, по крайней мере, пока. Мне уже не терпелось поскорее избавиться от этого назойливого полицейского. И я, сославшись на срочные неотложные дела, с большим удовольствием выпроводил его из дома, взял в руки дневник и внимательно начал его изучать.

Из этой адской рукописи Коулза, писавшийся им на протяжении тридцати семи лет, начиная с 1885 года, мне открылись ужасные вещи, которые до сих пор содрогают мою душу и не позволяют моему телу избавиться от ледящего пронизывающего пота. Коулз познакомился с моим дядей в марте 1885 года в его юридической конторе. После пары совместных долгих ужинов Коулзу удалось избавить моего дядю от тяжести многолетнего молчания, и он открылся. Дядя поведал ему, что случайно стал обладателем древней магической книги. Она уникальна и способна творить дьявольские вещи. Он утверждал, что может жить вечно, переме-

щаться во времени и воскрешать мертвых. Коулз вначале отнесся скептически и был убежден в том, что дядя душевно болен. Но он ему показал. Несчастный случай забрал жену Коулза в мир покоя и блаженства. Без ведома Коулза дядя вновь вернул ее к жизни. Но постоянно что-то шло не так. Они воскрешали ее около двадцати раз, но каждый раз бедная Хельга жила не более сорока дней. Затем она умирала, и Коулз с дядей вновь давали ей жизнь. По словам дяди, он никак не мог разгадать тайное значение шифра в одном ритуале. И из-за этого она не могла задержаться среди живых более данного срока. В конце концов, в 1912 году Коулзу это надоело, и он смирился с неизбежностью смерти. Он принял это как должное, и тело среди ночи аккуратно захоронили на кладбище. Это была история Хельги Коулз. Что касается пика роста необычайной смертности в городе, то и этому нашелся ответ. Коулз, имея коммерческую жилку, предложил моему дяде легкий способ обогатиться. Уже изрядно ознакомившись с книгой и разгадав большинство зашифрованных тайных знаний, они нашли ритуал вызова демона. Совместив этот и другой, они добились того, что демон был выпущен из ада и избавлен от огромных кандалов, державших его там и не дававших свободы. Они выпустили его на улицы города. Чтобы запутать и напугать страхи на горожан, они начали распускать слухи по городу о каком-то проснувшемся древнем проклятье, что каждые шесть лет Дьявол выходит из преисподни и забирает души грешников. Здесь для

Коулза открывался еще один способ обогащения. Отправив своего старшего сына в духовное учебное заведение и по его окончании пристроив в местный собор, Коулз младший совершал со всеми желающими сакральные мессы. Так он, якобы, спасал их от Дьявола. На самом же деле на двери домов, пожелавших спасти свою жизнь, он наносил тайный знак, запрещающий демону заходить внутрь. За эти года они отправили в могилы около десяти тысяч человек. Самым страшным был 1916 год. В этом году их эксперименты по воскрешению достигали чудовищных масштабов. Дело в том, что к этому году было достроено тайное подземелье в доме дяди. Теперь имелось удачное отдаленное место для продолжения своих зверских ритуалов. Копали же пещеру около десятка воскресенных недавно погибших людей. Когда те становились обессиленными и умирали, он воскрешал следующую партию. Очень практичный метод. Покойники уж точно никаких секретов не выдадут. Но все дальнейшие попытки воскрешения были безуспешны. К началу 1922 года здоровье у дяди становилось все слабее. Он изготовил этот огромный каменный гроб для себя и велел Коулзу после смерти оставить его тело в нем. Гроб был изготовлен из какого-то особого редкого камня, который внутри сохранял отрицательную температуру. Так тело должно было сохраняться максимально долго. До того момента, пока Коулз не разгадает этот зашифрованный смысл. И 3 июня 1922 года сразу после своей смерти он был помещен в свой новый временный дом.

Черное зеркало служило им для вызова демона. Мой дядя занимался этим лично, и Коулзу не разрешал находиться вблизи во время этого ритуала, поэтому, как точно это происходит, он не знал. Но уже стоял почти у двери разгадки и этого. Единственное, что беспокоило Коулза, так это то, что после каждого открытия магической книги из нее постоянно выползали пауки и окутывали дом сплошной паутиной.

Последняя запись была сделана в ночь перед его смертью. Он пишет, что наконец-то спустя много лет поисков и безуспешной работы, он разгадал шифр. И теперь первый, кому он хочет дать новую жизнь, будет его дорогой и единственным другом – Эдгар Хайль. «Я дам ему новую жизнь», – были последние слова в его дневнике.

Итог его замысла я созерцал двумя днями ранее в дальней подземной комнате похоронного дома. Вероятнее всего, шифр был неверным, либо Коулз где-то допустил роковую ошибку.

Я взял дневник и намеревался снова спуститься в пещеру. И только я дернул за крюк, открывавший потаенную дверь, как в дверях кабинета снова показался детектив. Он приказал мне отойти в сторону, взял мою горелку и спустился в пещеру. Через какое-то время тишину пронзали душевраздирающие крики. Были слышны звуки борьбы. Я шагнул за ним вслед. Крики прекратились. Перед входом в пещеру я и нашел его тело. Оно мало чем отличалось от останков мистера Коулза. Всюду валялись оторванные пальцы, руки,

ноги, кишки, разорванное легкое и сплюснутые почки и печень. Череп его был разможжен, словно страшный зверь долго прыгал по его голове. Я поднял горелку, зажег свет в пещере и шагнул в комнату. Там было все на своих местах. Гроб по-прежнему оставался придавленным тяжелой каменной плитой. Подойдя к книге, я погладил рукой ее обложку. По телу пробежал небольшой разряд электрического тока. В руках я чувствовал небольшую скованность и дрожь. Вдруг книга ожила. Какой-то невидимый воздушный поток начал быстро листать ее страницы. Вскоре это прекратилось, и книга открылась на определенной странице. Древние старые чернила аккуратно вывели непонятную мне истину. Это была латынь. Через несколько минут эта страница была переведена. «Возвращение зла оного в свой мир». Такое название явилось заглавием. Внизу было сопутствующее заклинание. Я не знаю, что это было, весь страх, сопровождавший меня прошлые дни, где-то растворился и осел на глубине. Я подошел к свечам и зажег их. Встал спиной к гробу и начал произносить написанное послание из древней книги. По мере прочтения этого набора слов я слышал, как в гробу что-то происходило. Вначале это были нечастые движения и стоны. Затем начались крики. Раздался ужасный грохот. Это был звук упавшей на пол плиты. Через мгновение я увидел, как что-то огромное, нечеловекоподобное выскочило из гроба и исчезло в черном обсидиановом зеркале. Я дочитал и сошел с места. В гробу лежало тело моего дяди.

Он был покрыт инеем, и внешне ничем не отличался от того состояния, в котором его сюда и доставили. Костюм был чистый и аккуратный. Я затушил свечи и решил возвратиться в кабинет, аккуратно перешагивая, стараясь не наступить ни на один из останков безвременно ушедшего детектива. Когда я выбрался, то увидел, что весь дом снова был в ужасной паутине. Я кое-как расчистил проход и сел за стол. Положив дневник Коулза перед собой, я старался найти разгадку со-творенного им. Но среди его записей нигде не нашел ничего особенного. Тогда меня озарило. Я вспомнил первый свой визит в пещеру и знакомство с книгой. Она была неподвижна. А это значит только то, что Коулзу оставалось переписать ритуал и провести его в другом месте – в похоронном доме, так как этот дом был занят мною. Так было делать нельзя. Книга оберегала моего дядю от всего злого и неизведанного. Она не давала вырваться неконтролируемому из бездны мрака и ворваться в нашу жизнь. Коулз не учел этот момент, решив проделать ритуал безо всякой защиты. За что он и поплатился. Демон вселился в тело дяди и завладел им. К счастью, у меня получилось вернуть его в свои миры, откуда он прибыл. Теперь я хотел попробовать другой ритуал. Тот самый, который не давал покоя моему родственнику и Коулзу. Я захотел воскресить дядюшку. Сделать это я намеревался сегодня ночью. Я взял листок чистой бумаги и написал записку, оставленную впоследствии на столе в кабинете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.